

«Кого взял — тому доверяй, кого не доверяешь — того не бери». Раз Цинь Шифэн сказал, что Цзян Чжунсюэ абсолютно надёжна, то Цинь Чаншэн, полагаясь на доверие к родному брату, тоже готова была ей открыться.

С дневным инцидентом она тоже разобралась. Цзян Чжунсюэ — человек странный, и нужно просто использовать её с умом, а в остальное не лезть.

По крайней мере, в деле с Юй Инь на горе Цзи их цели совпадали. Всё остальное можно было списать на её чудачества, патологию или что там ещё — не стоило забивать себе голову.

Не успела она закончить мысль, как Цзян Чжунсюэ резко схватила её за плечо и прошептала на ухо:

— Жди здесь!

Затем, словно пружина, что долго сжималась, она метнулась вперёд, оттолкнувшись от лежащего бревна, и исчезла в чаще, не оставив и следа.

Цинь Чаншэн остолбенела.

Она и сама кое-что смыслила в боевых искусствах, но то была ближняя схватка, победа в которой достигалась за счёт техники. Но та скорость, с которой двинулась Цзян Чжунсюэ, была чем-то запредельным, о чём Цинь Чаншэн и слыхом не слыхивала.

К тому же на Цзян Чжунсюэ была простая белая футболка и джинсовые шорты. В таком густом подлеске её открытая кожа неминуемо должна была цепляться за ветки, и на такой скорости любое касание превратилось бы в глубокий кровавый разрез.

Чем больше Цинь Чаншэн об этом думала, тем бледнее становилось её лицо.

Но раз Цзян Чжунсюэ велела ждать, лучше было послушаться. Если до этого момента Цинь Чаншэн ещё сомневалась в её способностях, то тот рывок с бревна напрочь развеял все сомнения.

Что ж, Цинь Шифэн и вправду нашёл надёжного помощника...

После того как Цзян Чжунсюэ умчалась, кругом воцарилась тишина. Солнце уже скрылось за горами, ночь окутала лес, и ветер, шелестя листьями, навевал жуть, словно вокруг перешёптывались сонмы призраков.

Цинь Чаншэн стояла во тьме, когда сзади на её плечо легла бледная, как бумага, рука.

Примечание автора: Если нравится — добавляйте в библиотеку, постараюсь закончить до конца декабря! Параллельно веду другую историю, милую и сладкую, обновления будут и там! Люблю вас, целую! Не забывайте добавлять в библиотеку, оставлять комментарии, бросать монетки, поливать питательным раствором! Люблю вас, обнимаю!

Ночной ветерок шелестел листьями, словно призрачный плач.

Бледная, как бумага, рука беззвучно лежала на плече Цинь Чаншэн. Та поднесла палец к

губам, слегка потерев их, затем прикусила.

Цинь Чаншэн скользнула взглядом по бледной руке-призраку. То, что стояло у неё за спиной, не требовало объяснений.

Высокая худая девушка. На когда-то милом лице — обширные пустоты. В глазницах нет глаз, лишь застывшая стекловидная масса и отвратительная гниющая плоть в углублениях. Полупрозрачное тело, разорванные конечности, плоть, обнажающая белесые кости.

— Мне так больно... — вырвался из глотки душераздирающий, призрачный стон.

Цинь Чаншэн обернулась и пристально посмотрела на призрак Юй Инь.

Призрак есть призрак. Человека ещё можно пожалеть, но став призраком, он уже не заслуживает ни жалости, ни её отсутствия.

Ибо призрак — всегда лишь призрак.

Незаметно вошла луна. Её свет окутал всё вокруг лёгкой дымкой, и даже призрачный образ перед ней приобрёл размытые очертания.

Луна вошла — наступило ночное время, час, когда призраки выходят на волю.

Словно играя, луна вновь нырнула за тучу. Небо мгновенно потемнело, и кругом стало хоть глаз выколи. В воздухе замерцали бледно-зелёные огоньки, наводя ужас, и призрачные тени зашевелились.

Столкнувшись с этой жуткой сценой, Цинь Чаншэн слегка нахмурилась. На её пальце ещё не зажил старый шрам.

— Мне тоже больно! — с досадой выдохнула она.

Призрак завыл жалобно. Цинь Чаншэн стиснула зубы — белые и ровные — и слегка прикусила палец.

На подушечке выступила капля алой крови.

Глядя в жуткое лицо призрака, мерцающее в зелёном свете фосфоресценции, Цинь Чаншэн протянула руку, слегка приподняла подбородок и резко скомандовала:

— Следуй за Цзян Чжунсюэ!

Кругом взметнулись душераздирающие вопли и стоны сонма призраков.

Цинь Чаншэн вдруг пожалела. Надо было не о еде спрашивать, а сразу рассказать Цзян Чжунсюэ о том, что она сегодня выведала у Цин Чжу.

— Ты слышала такую песенку? — в забегаловке, где обдирали посетителей, Цин Чжу быстро прикидывала ценность информации, параллельно рассчитывая, сколько чистого золота можно выручить за сведения о совместном появлении Цинь Чаншэн и Цзян Чжунсюэ.

Цинь Чаншэн перед ней покачала головой:

— Говори смело. Я заплачу столько, сколько стоит эта информация.

«Гугугуай, гуайгуайгу,

Внук на бабушке женился.

Свинья с овцой на канек сидят,

Родня в котле кипит.

Дочь материнску плоть ест,

Сын в барабан отцовский бьёт.

Все с поздравлением пришли,

А я одно лишь горе зрю!»

Видя, как хмурится Цинь Чаншэн, Цин Чжу тихо вздохнула с облегчением. Такая реакция явно означала, что песня ей незнакома. А неизвестное — и есть ценная информация. Теперь можно будет содрать хорошие деньги.

— Говорят, во времена императора У-ди буддизм в Китае был в большом почёте. В народе и на свадьбы, и на похороны приглашали монахов сутры читать. Ныне времена другие — монахов теперь только на похороны зовут. А на радостные события, вроде свадеб да родов, — ни-ни. А ведь это ошибка. И на красное, и на белое следует монахов приглашать, сутвы читать, благо накапливать — и усопшим покой, и живым счастье.

При императоре Лян У-ди жил монах по имени Чжигун, великий учитель, обладавший Пятью очами и Шестью сверхспособностями, ведавший о причинах и следствиях. Однажды его пригласили на свадьбу в богатый дом. Только переступил он порог, как вздохнул:

«Гугугуай, гуайгуайгу,

Внук на бабушке женился.

Свинья с овцой на канек сидят,

Родня в котле кипит.

Дочь материнску плоть ест,

Сын в барабан отцовский бьёт.

Все с поздравлением пришли,

А я одно лишь горе зрю!»

И что бы это значило? «Внук на бабушке женился» — не странно ли? Оказалось, бабушка та на смертном одре внука за руку держала, отпустить не могла. Говорит: «Вы все уж устроились, а внучек мой мал ещё, некому о нём позатись. Эх, что ж делать-то?» — и отдала богу душу.

Попала она в преисподнюю, и Яма, владыка царства мёртвых, решил: «Коль так ты по нему тоскуешь, ступай назад, женою ему стань, да приглядывай». Так и переродилась бабушка, да в жены собственному внуку попала. Вот какие страшные бывают в мире сцепления причин и следствий.

Взглянул Чжигун на кан — и говорит: «Свинья с овцой на канек сидят». Заглянул в котёл — продолжает: «Родня в котле кипит». А дело в том, что свиньи да овцы, коих люди резали, ныне вернулись людей поедать, отмщая за прошлые жизни! А те, что их ели, — теперяча в котле варятся, долги отдают.

«Дочь материнску плоть ест». А снаружи девушка свиное копыто уплетает, смакует. А свинья та — мать её в прошлой жизни была. «Сын в барабан отцовский бьёт». Посмотрел Чжигун на музыкантов — бьют в барабаны, дуют в дудки, гремят, шумят! А один что есть силы в барабан лупит, а барабан-то из ослиной кожи сделан. И осёл тот — отец его в прошлой жизни! Вот и «все с поздравлением пришли», а Чжигун лишь вздыхает: «А я одно лишь горе зрю!» Люди ведь за радость страдание принимают. Выслушав эту притчу, поймёте, сколь убивать да мясо есть страшно. Да и иероглиф «мясо» разберите:

«В иероглифе „мясо“ два человека:

Тот, что внутри, с наружным схож.

Твари тварей пожирают,

Вдумайся — люд люд ест».

Вглядись — у мясника, свиней режущего, глаза как у свиньи. Отчего? Много раз его самого зарезали, вот он и вернулся мстить, а глаза-то свиные и остались. У скота забивающего — глаза как у скотины. Воздаяние ведь безошибочно. Как сказано:

«Веков в миске той похлёбки

Ненависть, что глубже моря.

О войнах мирских желаешь ведать —

Прислушайся к крикам из скотобойни в ночи».

Понимаешь теперь, в чём ценность этой истории?

— Корни этой истории — на горе Цзи.

Вы уже у горы сокровищ стоите — с пустыми руками не уходите.

Примечание автора: История про «Гугугуай» взята из сборника странных преданий. Если нравится — добавляйте в библиотеку! Люблю вас, целую!

Тень Цзян Чжунсюэ метнулась сквозь чащу, словно чёрный ястреб, расправив крылья, ловко и стремительно лавируя между деревьями.

<http://bllate.org/book/16269/1464123>